

ОБ ОБЪЕКТЕ ПОЗНАНИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2014 г. С.А. Дробышевский¹

Краткая аннотация: рассматриваются две противоречащие друг другу теоретические позиции об объекте изучения правоведения. Согласно первой из них юриспруденция должна изучать часть общества как системы поведения людей в конкретных государственных границах. По другой позиции правоведение призвано познавать все общество в таком понимании. Доказывается верность последнего воззрения. Показано, что эта позиция является необходимой предпосылкой установления юриспруденцией обязательных закономерностей функционирования общества, которые должны быть воплощены в праве для обеспечения выживания и прогресса этого социального организма.

Annotation: the article examines two contradicting theoretical positions concerning the object of jurisprudence. According to the first view, society as a system of human behavior within the concrete state boundaries constitutes this object. As to the second position, jurisprudence should deal with only a specific part of society in such meaning. It is suggested that the former point of view is correct. The paper demonstrates that this position is a necessary logical base for jurisprudence to establish obligatory laws of society, which should be formulated in legal norms to safeguard social survival and progress.

Ключевые слова: объект правоведения, общество, правовые, политические и иные виды социальных явлений, позитивное и негативное правовое регулирование, социальная структура.

Key words: object of jurisprudence, society, legal, political and other kinds of social phenomena, positive and negative legal regulations, social structure.

Актуальность исследования этого вопроса объясняется просто. Существуют противоречащие друг другу теоретические позиции о том, что следует познавать юриспруденции.

Сторонники одной из них считают объектом изучения правоведения часть общества. Скажем, такова точка зрения В.С. Нерсисянца. Как он писал, «объектами юридической науки являются право и государство»². Последние выступают «в качестве составных частей изучаемого социального целого, в качестве определенных социальных явлений в общей системе других социальных явлений, которые в совокупности образуют «материю» общественной жизни»³.

Что такое «общество» в книге, откуда взята приведенная цитата, специально не определено. Поэтому резонно предположить его обычную трактовку в соотношении с государством. Иными словами, под первым из этих двух феноменов подразумевается все поведение людей в конкретных государственных границах⁴.

Теоретическая позиция о части общества как объекте изучения правоведения нередко выражается иначе. Например, речь идет о следующем суждении М.Н. Марченко, в котором сама социальная целостность, по-видимому, понимается точно так же⁵. «Объект теории государства и права» и остальных юридических наук, «с одной стороны, не должен замыкаться рамками только «чисто» государственно-правовой материи, а с другой – он не должен вбирать в себя всю неюридиче-

скую материю»⁶ общества. В содержание рассматриваемого объекта «может включаться наряду с государственно-правовыми явлениями... лишь та часть политической, экономической и иной материи, которая не просто, а непосредственно, напрямую связана с юридической материей и которая оказывает непосредственное, прямое воздействие на процесс формирования и функционирования этой материи»⁷.

Подобным образом для ряда ученых юриспруденция призвана исследовать государство и право. Они входят в надстройку над экономическим базисом. Общество же, понимаемое в уже упомянутом смысле, включает все надстроечные и базисные явления⁸.

Наконец, аналогична позиция Д. Истона. Он считает политические явления частью общества (всего поведения людей в рамках государственных границ)⁹. Последнее делится на различные виды не полностью. В результате оказывается нерасторжимый остаток¹⁰. В пределах политических явлений существуют юридические, изучаемые правоведением¹¹.

⁶ Там же. С. 14–18, 34–46.

⁷ Там же. С. 18. См. также: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2000. С. 113; Егоров В.М. Теория государства и права. М., 2007. С. 659–662; Общая теория права / Отв. ред. А.С. Пиголкин. М., 1995. С. 16; Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004. С. 21–25.

⁸ См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 13, 14, 21, 23, 24; Лившиц Р.З. Теория права. М., 2001. С. 1–9; Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2002. С. 19, 20, 24, 25; Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 2002. С. 3, 6, 20, 23, 24; Философия права. Курс лекций. В 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 62, 63; Т. 2. С. 194–196, 228, 229.

⁹ См.: Easton D. Op. cit. P. 38.

¹⁰ См.: ibid. P. 41.

¹¹ См.: ibid. P. 32.

¹ Заведующий кафедрой истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор (E-mail: kafedra-iogr@mail.ru).

² Проблемы общей теории права и государства. М., 2002. С. 4.

³ Там же. С. 22.

⁴ См.: Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979. P. 38.

⁵ См.: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 132–136.

Согласно другому воззрению об объекте исследования юриспруденции она призвана познавать все общество, трактуемое как система поведения людей в государственных границах. Скажем, таково мнение Г. Кельзена. Для него эта система выступает в качестве “правового порядка”¹².

Действительно, Г. Кельзен отмечал, что те человеческие поступки в указанных пределах, которые юридическими нормами не запрещены, являются правомерными¹³. Само по себе право всегда применимо, оно беспробельно. Проблема пробелов есть вопрос о правовой фикции с определенной целью: дать правоприменительному органу возможность действовать в роли законодателя, но вместе с тем ограничить его¹⁴.

Вдобавок Г. Кельзен делил правовое регулирование на позитивное и негативное¹⁵. Первое осуществляется путем установления предписаний и запретов, а также специфического дозволения положительного поведения людей. Выделенная специфика предоставления действовать произвольно предполагает формулирование для адресатов права субъективных юридических прав и обязанностей.

Негативное правовое регулирование распространяется на все те поступки людей в пределах государственных границ, которые не упорядочены только что указанными способами. Оно осуществляется посредством дозволения поведения человеческих индивидов без установления для них субъективных юридических прав и обязанностей¹⁶.

Как известно, порождаемая путем негативного правового регулирования свобода людей во многих случаях не является для этих лиц привлекательной. В частности, в борьбе против нее с течением времени появилось несколько поколений прав человека, выступающих в качестве юридически гарантированных возможностей поведения индивидов¹⁷.

По-видимому, оценить степень соответствия действительности изложенных представлений об объекте познания юриспруденции возможно, если подумать над следующей идеей Д. Истона. Как он отмечал, разные виды социальных явлений в значительной мере существуют как внешние друг относительно друга¹⁸.

Скажем, в одной системе поведения людей в рамках конкретных государственных границ это относится к политическим и экономическим феноменам. В качестве общего правила вторая категория явлений из двух отмеченных выступает частью так называемого внутриобщественного окружения¹⁹ для первой²⁰.

Однако, по взглядам Д. Истона, есть и человеческие взаимодействия, на которые эта норма не распространяется. Каждый из таких актов поведения одновременно принадлежит к двум видам общественных феноменов. Например,

если человек идет в булочную купить буханку хлеба и при общении с продавцом обсуждает личные качества местного кандидата на выборную политическую должность, то указанное взаимодействие следует отнести и к политическим, и к экономическим социальным явлениям²¹.

Иллюстрацию, к которой обратился Д. Истон, можно продолжить. Когда покупающий хлеб имеет цель заключить при этом юридический договор купли-продажи, его поход в магазин есть основания причислить не только к экономическим, но и к правовым общественным феноменам. Если же покупатель идет в булочную к работающему там своему единокверцу, чтобы кроме совершения покупки осуществить конкретную заповедь религии, данное поведение опять же обладает двумя видовыми характеристиками. Рассматриваемый поступок принадлежит к религиозным и экономическим явлениям.

Скорее всего, не отдельные, а все взаимодействия людей способны реализовывать многочисленные цели. Отсюда каждое из них в состоянии одновременно принадлежать к разным видам социальных явлений.

В самом деле, когда появляется новый вид человеческой деятельности, даже если это происходит без участия суверенной власти, он всегда соотносится с последней со своими целями, т.е. выступает для суверена политически желательным или нет. Вдобавок рассматриваемые акты поведения объявляются там, где происходят, правомерными или противоправными. Иными словами, суверенная власть оценивает их, исходя из направленности правового регулирования на специфическое упорядочение общественных отношений. Вместе с тем анализируемые поступки входят в систему экономического воспроизводства. Вне таковой никакая человеческая деятельность существовать не может²².

Вот почему всякий акт поведения людей, в силу цели его совершения уже относящийся к одному из видов социальных явлений, обладает не только указанной видовой характеристикой. Анализируемый поступок приобретает также по крайней мере определенные политические, юридические и экономические качества. Они позволяют отнести этот акт к соответствующим видам человеческого поведения.

Не случайно М. Манн не поддержал упомянутую идею, согласно которой разные виды общественных явлений в значительной мере существуют в качестве внешних относительно друг друга. Как он писал, “социальная жизнь отнюдь не состоит из ряда сфер..., чьи отношения... есть связи внешних объектов”²³. По мнению М. Манна, “является ошибкой понимать идеологию, экономику и т.д. как аналитические идеальные типы, которые реализуются в обществах в качестве автономных структур или “измерений”, или “уровней” одного полного общества”²⁴.

Теоретической позиции, близкой к только что изложенной, придерживался и Р.Ф. Мерфи. По его словам, «нет никакой такой вещи, как чисто “экономический” или “политический” институт, ибо... эти отделения существуют больше в нашем сознании, чем в эмпирической реальности... Взаимная вмонтированность аспектов культуры друг в друга является более резко выраженной в примитивных культурах по сравнению

¹² Kelsen H. The Pure Theory of Law. Berkeley, 1970. P. 286.

¹³ См.: *ibid.* P. 245–250.

¹⁴ См.: *ibid.*

¹⁵ См.: *ibid.* P. 15–17, 42, 43.

¹⁶ См.: *ibid.*

¹⁷ См.: Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2001. С. 106, 107; Малевиц Ю.И. Права человека в глобальном мире. М., 2004. С. 34, 46–52; Права человека. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2009. С. 76, 77; Варламова Н.В. Три поколения прав человека как разные формы опосредования свободы // В кн.: Философия права в России: история и современность / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009. С. 190–208.

¹⁸ См.: Easton D. Op. cit. P. 43–45.

¹⁹ См.: *ibid.* P. 70.

²⁰ См.: *ibid.*

²¹ См.: *ibid.* P. 41.

²² См.: Sahlin M. Stone Age Economics. Chicago, 1974. P. 76, 101, 168, 185, 186.

²³ Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. Cambridge. 1987. P. 18.

²⁴ *Ibid.* P. 77.

с нашей собственной, но она все же еще очень во многом с нами»²⁵.

Отсюда, между прочим, следует, что правовыми явлениями в обществе, т.е. системе поведения людей в пределах конкретных государственных границ, выступают все присутствующие здесь социальные феномены. Их и должна изучать юриспруденция. Таким образом, является обоснованной указанная позиция Г. Кельзена по вопросу об объекте познания правоведения.

Правда, установленное положение вещей не исключает, а предполагает, что та же самая общественная реальность оказывается, например, комплексом экономических или политических явлений. И она, соответственно, изучается экономической либо политической наукой.

Сама только что обоснованная теоретическая позиция об объекте познания правоведения является необходимой предпосылкой верной направленности правового регулирования. Причина очевидна. Только при познании всего, а не части общества юриспруденция в состоянии установить обязательные закономерности функционирования этого социального целого, при отступлении от которых система человеческого поведения в пределах конкретных государственных границ прекращает прогрессивно развиваться и во многих случаях либо деградирует, либо даже погибает.

К отмеченным необходимым и существенным связям относится прежде всего трудовая деятельность. Если члены государственно организованного общества прекратят вырабатывать продукты, нужные для их жизнеобеспечения, то очень скоро существование этих человеческих индивидов и образованного ими государства прекратится. Отсюда вытекает, что государственной организации необходимо поставить ее трудоспособных членов в такие условия, чтобы они не могли прожить без труда.

Немедленный регресс и гибель в ближайшей перспективе ждут политическое тело и при отказе составляющих его лиц от совместной деятельности. Данное заключение логически неизбежно, ибо при указанном положении дел прекратит существование система разделения и кооперации человеческого труда, и в частности прервутся общественные усилия по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по лечению больных и материальной поддержке нетрудоспособных. Кроме того, человеческое общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение людей, восполняющих естественные потери населения из-за смерти от старости, болезней и по другим причинам.

Для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ человеческим индивидам обязательно нужен мир в рамках сферы, где они интенсивно общаются, т.е. в пределах территории государства. Единственным же путем достижения этой цели является выделение из составляющих политическое тело лиц некоторой части, образующей систему государственных органов. Она призвана обеспечивать мирное взаимодействие членов государственного общежития посредством общеобязательного нормативного регулирования их поведения, что включает формулирование государственным аппаратом системы правовых норм и гарантирование им реализации юридических установлений, в том числе принудительной²⁶. Причем право на физическое принуждение в границах

политического тела должно принадлежать только системе государственных органов, а не каким-либо иным внутригосударственным объединениям, которым неизменно следует находиться под властью государственного аппарата²⁷. Лишь при этом условии государство оказывается тем, чем оно призвано быть по самой своей сути, а именно: замиренным пространством, где только и может нормально протекать человеческая жизнь²⁸.

Только при изучении всей системы поведения людей в пределах государственных границ юриспруденция в состоянии сформулировать основную необходимую и существенную социальную связь, на базе осознания которой следует создавать юридические нормы. Сенека некогда понимал отмеченную закономерность так: «Нужно жить для другого, если хочешь жить для себя... Для человека всякое благодеяние есть тот добродетельный поступок, награда которого – в нем самом»²⁹. Вот почему, продолжал эту мысль Марк Аврелий, «если человек делает зло другому человеку, значит, не понимает, что делает, и ему надо объяснить»³⁰. Вредоносный «поступок в своей основе есть заблуждение»³¹.

Действительно, общество в виде всей системы человеческого поведения в конкретных государственных границах выступает как организация разделения и кооперации труда и иной деятельности людей на определенной территории. И качество жизни любого участника рассматриваемой социальной системы определяется степенью совершенства используемых отмеченным человеком для реализации собственных нужд усилий остальных членов этого социального целого. В итоге наилучшая ситуация для каждого индивида в государстве – потребление продуктов труда и других результатов человеческого поведения, являющихся превосходными с точки зрения запросов потребителя. Притом такое положение не достигается, даже если одно лицо в политически организованном обществе демонстрирует несовершенные формы собственной активности. Ведь негативные последствия от этого прямо или косвенно испытывают его сограждане без какого-либо исключения.

Отсюда закономерно встает вопрос: каким образом можно создать в стране условия для высококачественной производственной и иной деятельности всех составляющих упомянутое сообщество людей? Ответ на него очевиден. Чтобы человек был способен оказывать остальным участникам государственного общежития трудовые и другие услуги высшей степени совершенства, он должен иметь материальные средства, позволяющие не только получать хорошее воспитание и образование, но также обладать нужными для этого здоровьем и физической подготовкой, поддерживать и улучшать приобретенные знания, умения, навыки и состояние собственного тела в течение своей жизни.

Если у индивида нет достаточных ресурсов (скажем, финансовых) для реализации всего перечисленного, то предоставлять согражданам превосходные результаты производственной и иной собственной деятельности он не сможет. Следовательно, гражданину невозможно жить хорошо (т.е. пользоваться высококачественными продуктами трудовых и других усилий остальных участников государственного общежития), когда его партнеры по такому взаимодействию

²⁷ См.: *Иеринг Р.* Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 236, 237.

²⁸ См.: *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 192–197.

²⁹ *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 80, 348.

³⁰ Цит. по: *Дробышевский С.А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи. М., 2011. С. 59, 60.

³¹ Там же. С. 60.

²⁵ *Murphy R.F.* An Overture to Social Anthropology. Englewood Cliffs: New Jersey. 1979. P. 130.

²⁶ См.: *Гоббс Т.* Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 152–170.

живут плохо, а значит, из-за своих неудовлетворительных материальных условий существования не способны к формам человеческой активности высшей степени совершенства, ибо не приобрели нужных для этого качеств.

В силу приведенной аргументации в личных интересах каждого человека в государственной организации делать две вещи. Во-первых, ему следует всячески способствовать приобретению остальными людьми всего необходимого для высококачественной трудовой и иной деятельности. Во-вторых, когда у человеческих индивидов есть условия, чтобы эффективно работать и выполнять другие функции, но они не хотят этого, нужно убеждать или в крайнем случае принуждать отлынивающих от указанных усилий преодолевать такое нежелание.

Сам факт выявления правоведением указанных закономерностей позволяет закрепить таковые в юридических нормах. В результате реализация последних будет способствовать сохранению и совершенствованию общества. Таким образом, правоведение выполнит свое назначение в государственной организации.

Политология и экономическая наука так же, как и юриспруденция, призваны исследовать интересующие их явления. И опять же применительно к каждой из этих отраслей знания речь идет, как уже отмечено, обо всей системе поведения людей в пределах государственных границ, т.е. об обществе как целостности.

Другое дело, что всякая социальная наука, в том числе правоведение, призвана выявлять разные закономерности. Природа таких существенных и необходимых связей, устанавливаемых отдельной отраслью знания в обществе, определяется, в частности, целями, задачами и методами последней.

Когда конкретная наука (скажем, правоведение) изучает все поведение людей в рамках определенных государственных границ, ей, естественно, надлежит выявить здесь детерминирующую, а также детерминируемую сферы и установить тем самым закономерную связь между этими частями системы человеческих действий. Причем обе выделяемые таким образом подсистемы оказываются совокупностями феноменов только одного вида – того, который изучает рассматриваемая отрасль знания.

Например, для юриспруденции речь пойдет лишь о юридических явлениях. В их совокупности определяющей сферой является многообразное, фактическое, правомерное и противоправное поведение. Таковое в конечном счете детерминирует содержание норм права. Но последние оказывают значительное обратное влияние на регулируемую ими человеческую деятельность.

Разумеется, предпосылкой установления такого рода закономерностей является ранее обоснованное заключение. Суть его состоит в том, что разные виды общественных явлений не являются внешними друг относительно друга.

Однако некоторые исследователи, подобно Д. Истону, стоят на противоположной теоретической позиции. Скажем, ее разделял К. Маркс, когда писал знаменитые строки: “В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание”³².

В этом теоретическом положении есть идея, явно искажающая действительность. Она заключается в следующем. В обществе, т.е. системе поведения людей в определенных государственных границах, экономические, политические и правовые отношения выступают внешними друг к другу.

Вместе с тем в приведенной цитате К. Маркса есть и рациональное зерно. Как здесь отмечено, “не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание”. В силу этого “те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям”³³. Правда, феномены сознания, воплощаясь в разнообразных усилиях конкретных лиц и ассоциаций, оказывают известное обратное влияние на человеческое бытие³⁴.

Это рациональное зерно должно быть в полной мере учтено обществоведами, придерживающимися взгляда, согласно которому каждая из таких общественных наук, как, например, юриспруденция и политология, исходя из собственных ей целей, своими методами изучает всю систему поведения людей в рамках конкретных государственных границ. В частности, данная задача была решена при формулировании приведенной закономерной связи определяемой и определяющей частей в системе правовых явлений.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6, 7.

³³ Там же. Т. 4. С. 133.

³⁴ См.: там же. Т. 37. С. 417.